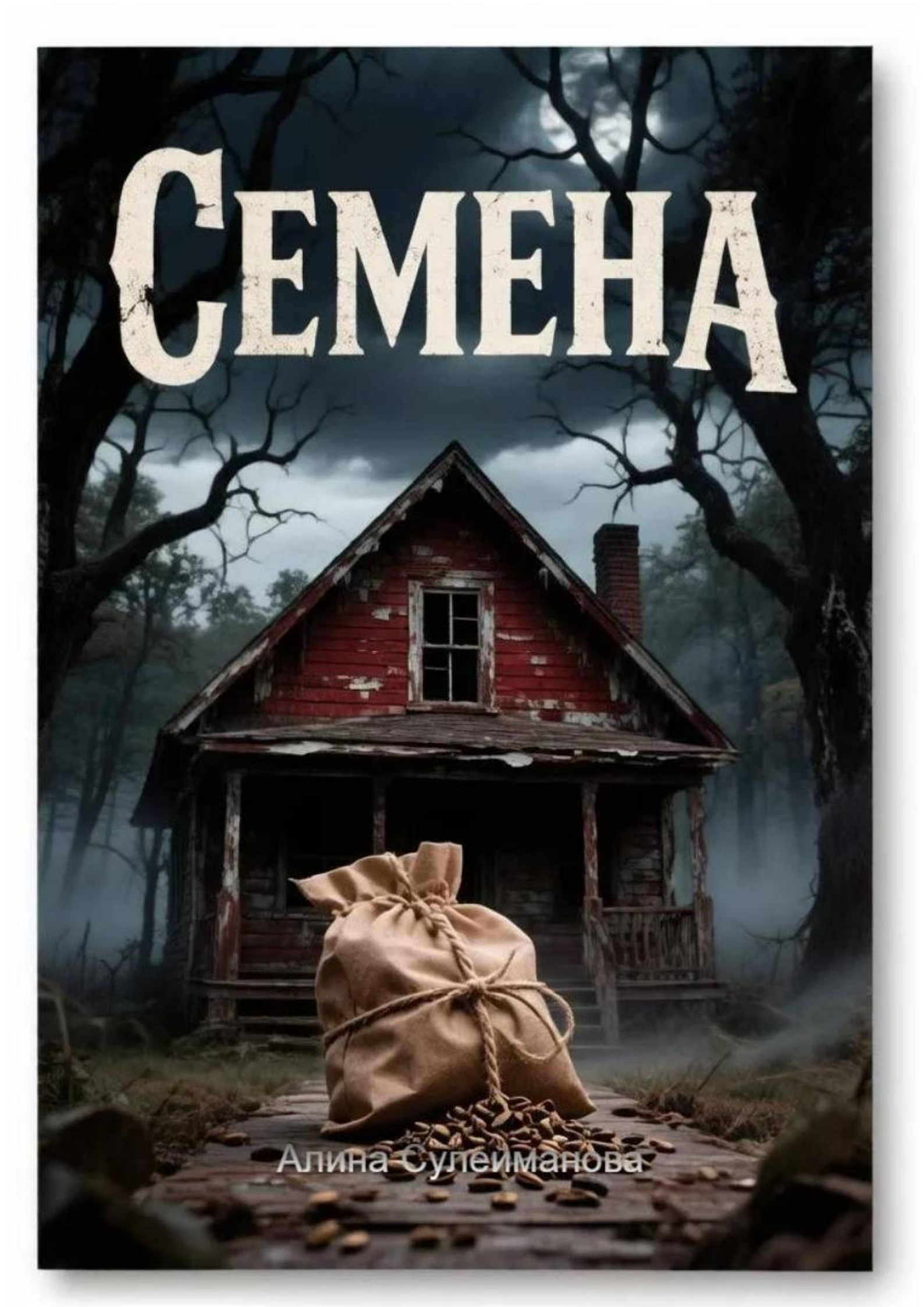

СЕМЕНА

Алина Сулейманова

Алина Сулейманова
Семена

«Автор»

2026

Сулейманова А.

Семена / А. Сулейманова — «Автор», 2026

Когда шериф Гарри Макнил начинает расследование, он ещё не знает, что ему предстоит столкнуться с чем-то, что старше самого города. С чем-то, что спало под землёй десятилетиями. С чем-то, что пробудилось. Тринадцатилетний Билли Саммерс — мальчик, который видит то, что не видят другие. Он узнаёт о смерти бабушки за три дня до того, как это происходит. Он слышит голоса мёртвых. Он видит сны, которые сбываются. Дженнифер Хоук — самая красивая девочка в школе. Ей снятся кошмары о заброшенном доме на окраине города. Доме, где двадцать лет назад исчезла целая семья. Доме, который шепчет её имя. Отец Джон Мэтьюз — священник, который знает слишком много. Он знает, что случилось в школе Касл-Рока в 1963 году. Он знает, кто выжил в том пожаре. И он знает, что это было только начало. Восемьдесят лет назад Мэри Элизабет Карвер сгорела в огне. Но она не умерла. Она стала чем-то другим. Чем-то, что живёт в темноте. Чем-то, что сеет. Чем-то, что собирает урожай. И теперь она голодна.

© Сулейманова А., 2026

© Автор, 2026

Алина Сулейманова Семена

Пролог

Дождь шёл третьи сутки подряд.

Гарри Макнил стоял у окна своего кабинета в здании администрации города Касл-Рок и смотрел, как вода стекает по стеклу, превращая мир снаружи в размытую, дрожащую картину. За окном октябрь грыз остатки осени — деревья стояли голые, чёрные, похожие на обугленные кости.

Он не спал четыре дня. С тех пор, как начались исчезновения.

— Шериф?

Макнил обернулся. Молодой помощник Дуглас стоял в дверях, держа в руках папку. Его лицо было бледным — не от усталости, а от чего-то другого. От страха, который он пытался спрятать.

— Ещё один, — сказал Дуглас. — Миссис Паркер. Учительница начальных классов. Не вышла на работу сегодня утром. Соседка зашла проверить — дверь была открыта. Внутри никого.

Макнил закрыл глаза. Он слышал этот тон раньше. В Нэшвилле, когда они ловили того парня с бензопилой. В Огасте, когда нашли тела в подвале баптистской церкви. Это был тон человека, который знает, что нормальная жизнь закончилась, но ещё не готов признать это вслух.

— Седьмой за две недели, — сказал Макнил.

— Восьмой, если считать собаку Хендерсонов.

— Собак я не считаю, Дуг.

Макнил подошёл к столу, взял карту города и разложил её. На ней уже были отметки — красные крестики, которые он ставил сам, сначала аккуратно, потом всё более размашисто, как будто собственные руки хотели выразить то, что разум отказывался принимать.

Крестики не складывались в круг. Они не выстраивались в линию. Они просто были — разбросаны по всему городу, как следы какого-то гигантского зверя, который ходил среди людей и выбирал жертв без логики, без системы, без смысла.

— Что говорят в Бангоре? — спросил Макнил.

— Говорят, чтобы мы справлялись сами. У них там свои проблемы. Что-то с водохранилищем.

— Конечно, — Макнил горько усмехнулся. — У них там водохранилище. А у нас тут люди пропадают.

Он снова повернулся к окну. Дождь усилился. Где-то на другом конце города завывала сирена — старая, ржавая, она выла так, будто умирала.

А потом Макнил увидел мальчика.

Он стоял прямо напротив администрации, на противоположной стороне улицы. Лет десяти, может, двенадцати. В жёлтом дождевике, капюшон натянут на голову. Стоял совершенно неподвижно под проливным дождём, и смотрел прямо в окно кабинета шерифа.

Смотрел на Макнила.

Гарри моргнул. Когда он открыл глаза, мальчик исчез.

Но на мокром асфальте там, где он стоял, осталось что-то. Что-то тёмное, расплывающееся под дождём.

Макнил схватил плащ и побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Дуглас что-то кричал ему вслед, но он не слушал.

Он выбежал на улицу под ледяной дождь. Улица была пуста. Дождь смывал всё — следы, звуки, сам воздух, казалось, становился чище и холоднее.

Но на том месте, где стоял мальчик, на асфальте расплывалось тёмное пятно. Макнил присел на корточки, не обращая внимания на воду, заливающую его ботинки.

Это была не кровь. Это было что-то другое. Что-то густое, чёрное, похожее на нефть, но с запахом, от которого желудок Макнила сжался в тугой комок. Запах был сладковатый, тошнотворный, как от цветов, которые слишком долго стояли в вазе с тухлой водой.

И в центре пятна, медленно размываемый дождём, лежал маленький предмет.

Макнил поднял его. Это была фотография. Старая, помятая, с обгоревшими краями. На ней были изображены дети — человек двадцать, может, больше. Они стояли в ряд перед каким-то зданием, все улыбались. На обороте дрожащими чернилами было написано:

«Школа Касл-Рока. Класс 1963. Мы всегда будем вместе».

Макнил перевернул фотографию. И тогда он увидел, что на месте каждого детского лица было выцарапано что-то острое — аккуратные кружки, как будто кто-то вырезал лица ножом.

Все, кроме одного.

Одно лицо осталось нетронутым. Маленькая девочка с косичками, стоящая в первом ряду. Она улыбалась — широко, искренне, как улыбаются только дети, которые ещё не знают, что такое страх.

Макнил смотрел на её лицо, и дождь стучал по его спине, и сирена всё выла где-то вдалеке, и он вдруг понял, что не может отвести взгляд от этой фотографии.

Потому что девочка на фотографии смотрела прямо на него.

И она была единственной, кто улыбался.

Часть первая: Семена

Глава 1

Билли Саммерс узнал о том, что его бабушка умерла, за три дня до того, как это произошло.

Ему было тринадцать, и он не считал себя особенным. Он был худым, неуклюжим мальчиком с вечно спутанными волосами и очками, которые постоянно сползали с носа. В школе его называли «профессором» — не из уважения, а потому что он всегда знал ответы на вопросы, которые никого не интересовали.

Но это... это было другое.

Он проснулся в ту ночь в три часа четырнадцать минут. Он запомнил время, потому что часы на прикроватной тумбочке светились зелёным, и эти цифры врезались в память, как клеймо. 3:14. Как число пи. Что-то в этом было — какая-то тихая, злая ирония.

Он проснулся от того, что почувствовал запах.

Запах лаванды.

Бабуля всегда пахла лавандой. Она держала маленькие саше с сушёными цветами в комодах, в шкафах, даже в машине. Когда Билли приезжал к ней на лето, весь дом встречал его этим запахом — тёплым, уютным, как старое одеяло.

Но бабуля жила в Коннектикуте. В трёхстах милях от Касл-Рока. И она не могла быть здесь.

Билли сел в кровати. В комнате было темно, только лунный свет пробивался сквозь занавески, рисуя на полу бледные полосы. Запах лаванды стал сильнее. Он не просто висел в воздухе — он давил, заполнял лёгкие, как вода.

А потом Билли услышал голос.

— *Билли...*

Это был шёпот. Тихий, хриплый, как будто говорил человек, у которого пересохло горло. Но Билли узнал его. Он узнал бы этот голос где угодно.

— *Билли, милый... я хочу, чтобы ты знал... я не боюсь...*

Мальчик застыл. Его сердце колотилось где-то в горле. Он хотел закричать, позвать маму, но голос не слушался.

— *...но ты должен быть осторожен. Они приходят за детьми, Билли. Они всегда приходят за детьми...*

— Бабуля? — прошептал он.

Тишина.

Запах лаванды исчез так же внезапно, как появился. Билли остался сидеть в темноте, дрожа всем телом, и смотрел на часы.

3:17.

Он не спал до утра.

Через три дня позвонила тётя Кэрол. Бабуля умерла во сне. Сердечный приступ. Ей было семьдесят восемь.

На похоронах Билли стоял у могилы и смотрел, как гроб опускают в землю. Священник говорил что-то о том, что она была хорошей женщиной, что она теперь в лучшем мире, что мы все когда-нибудь встретимся снова.

Билли не слушал. Он думал о той ночи. О голосе. О запахе лаванды.

И об одном слове, которое бабуля сказала в самом конце. Слове, которое он не рассказал никому, потому что не знал, что оно значит.

«Они».

Глава 2

Дженнифер Хоук была самой красивой девочкой в школе Касл-Рока. Это не было её заслугой — просто так сложились гены. Волосы цвета мёда, глаза как у лани, улыбка, от которой у мальчиков подкашивались колени. Ей было четырнадцать, и она уже знала, что красивым людям прощается многое.

Но красота не спасала от кошмаров.

В ту ночь ей снился дом.

Старый, заброшенный дом на окраине города — тот самый, о котором все знали, но никто не говорил. Дом Карверов. Там когда-то жила семья, которая исчезла в одну ночь. Просто исчезла — все шестеро, включая младенца. Дом стоял пустой уже двадцать лет, окна заколочены досками, крыша провалилась.

В своём сне Дженнифер шла к этому дому.

Ночь была безлунной, и мир вокруг казался нарисованным углём на чёрной бумаге. Трава под ногами хрустела, как будто была сделана из стекла. Дженнифер не хотела идти — она чувствовала, что там, в этом доме, что-то ждёт. Что-то, что не хочет, чтобы она уходила.

Но ноги несли её сами.

Дверь дома была открыта. Внутри было темно, но не так, как бывает темно в обычных домах. Эта темнота была живой. Она дышала. Она смотрела.

Дженнифер вошла.

Внутри пахло плесенью и чем-то ещё. Чем-то сладким. Чем-то, что напоминало...

Мясо.

Стены дома были покрыты надписями. Дженнифер не могла разобрать буквы — они извивались, как черви, складываясь в слова на языке, которого она не знала.

А потом она услышала плач.

Детский плач. Тихий, отчаянный. Он доносился из подвала.

Дженнифер спустилась по скрипучим ступеням. В подвале было ещё темнее, но она видела — видела каким-то другим зрением, которое проснулось внутри неё. В углу, на куче старых тряпок, сидели дети.

Много детей.

Они были бледные, как восковые фигуры. Их глаза были открыты, но не видели ничего. Они плакали — все одновременно, но беззвучно, и слёзы катились по их щекам, оставляя тёмные дорожки.

А потом один из них — мальчик лет десяти — повернул голову и посмотрел на Дженнифер.

— *Ты следующая*, — сказал он. — *Ты следующая, если не найдёшь его первым.*

— Кого? — прошептала Дженнифер. — Кого я должна найти?

— *Того, кто их кормит*, — мальчик улыбнулся, и его зубы были чёрными, как земля. — *Того, кто сеет. Он среди вас. Он всегда был среди вас.*

Дженнифер проснулась с криком.

Она сидела в кровати, прижимая руку к груди, и чувствовала, как сердце бьётся где-то в горле. За окном занимался рассвет — серый, сырой, октябрьский.

На её подушке лежал маленький предмет.

Дженнифер взяла его. Это был сухой стебель лаванды.

Глава 3

Гарри Макнил не верил в сверхъестественное.

За двадцать лет работы в полиции он видел много странного — людей, которые убивали своих детей, потому что «Бог сказал»; подростков, которые поклонялись дьяволу и резали кошек; старух, которые держали в подвалах трупы мужей, потому что «не могли с ними расстаться». Люди были чудовищами. Но чудовища были людьми.

Но то, что происходило сейчас, не укладывалось ни в какие рамки.

Восемь человек исчезли за две недели. Восемь. В городе с населением три тысячи человек это было как чума. Люди боялись выходить на улицу после заката. Магазины закрывались раньше. Церкви были переполнены — но не потому что люди верили, а потому что боялись.

И был мальчик.

Макнил видел его трижды. Первый раз — в дождь, напротив администрации. Второй раз — на кладбище, когда хоронили миссис Паркер. Мальчик стоял среди могил, в том же жёлтом дождевике, и смотрел. Просто смотрел.

Третий раз был сегодня.

Макнил возвращался домой в час ночи. Улицы были пусты, фонари горели через один, и город казался мёртвым. Он уже подъезжал к своему дому, когда увидел его.

Мальчик стоял на перекрёстке. Прямо под фонарём. И на этот раз он не исчез, когда Макнил остановил машину.

Шериф вышел из машины. Дождь прекратился, но воздух был влажным, тяжёлым, как мокрое одеяло.

— Эй, — сказал Макнил. — Ты кто?

Мальчик не ответил. Он просто смотрел. И улыбался.

— Где твои родители?

Молчание.

Макнил подошёл ближе. Теперь он видел мальчика лучше — бледное лицо, тёмные круги под глазами, волосы, прилипшие ко лбу. Дождевик был старым, потрёпанным, с пятнами, которые в свете фонаря казались чёрными.

— Ты меня слышишь?

Мальчик открыл рот. И Макнил услышал голос — но не такой, какого ожидал. Это был не голос ребёнка. Это был голос... многих. Как будто говорил хор, но из одного рта.

— *Вы ищете их*, — сказал мальчик. — *Но вы ищете не там.*

— Где? — Макнил почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. — Где они?

— *Они там, где всегда были*, — мальчик улыбнулся шире, и Макнил увидел, что его зубы покрыты чем-то тёмным. — *Под нами. В темноте. Они спят. И они голодны.*

— Кто ты?

Мальчик склонил голову набок. Его глаза были чёрными — не карими, не голубыми, а абсолютно чёрными, как дыры в реальности.

— *Я — то, что осталось*, — сказал он. — *Я — то, что они оставили. Я — первый.*

А потом он исчез.

Просто исчез. Не убежал, не растворился в воздухе — просто перестал быть. Как будто его выключили.

Макнил стоял на перекрёстке, тяжело дыша. Его руки дрожали. Он достал рацию и вызвал Дугласа.

— Дуг, — сказал он. — Пригони сюда группу. И приведи священника.

— Шериф? Что случилось?

Макнил посмотрел на то место, где стоял мальчик. На асфальте не осталось ничего — ни следов, ни пятен, ни стебля лаванды.

Но в воздухе всё ещё висел запах. Сладковатый, тошнотворный.

Запах цветов, которые слишком долго стояли в тухлой воде.

— Я не знаю, — сказал Макнил. — Но, кажется, я только что разговаривал с призраком.

Глава 4

Билли Саммерс сидел в школьной библиотеке и смотрел на фотографию.

Он нашёл её случайно — в старом альбоме, который валялся на нижней полке, среди пыльных энциклопедий и справочников. Альбом был подписан «Касл-Рок, 1960-1970». Билли открыл его, чтобы просто убить время, и наткнулся на страницу, от которой у него перехватило дыхание.

Фотография была та же самая. Та же самая, что он видел в своём сне — или не во сне. Дети перед школой. Двадцать три ребёнка. Учительница. И на обороте — та же надпись:

«Школа Касл-Рока. Класс 1963. Мы всегда будем вместе».

Билли перевернул фотографию в альбоме. Все лица были на месте. Никаких выцарапанных кружков. Просто дети, которые улыбались в объектив, не зная, что через шестьдесят лет их фотография появится в руках мальчика, который видит мёртвых.

Но одна деталь заставила его замереть.

В первом ряду, в центре, стояла девочка с косичками. Та самая девочка, чьё лицо было единственным нетронутым на фотографии, которую он держал в руках.

Билли посмотрел на подпись под фотографией. Имена детей были перечислены мелким шрифтом.

«...и Мэри Элизабет Карвер, староста класса».

Карвер.

Та же фамилия, что у дома на окраине города. Дом, который стоял пустым двадцать лет. Дом, о котором шептались в школе — что там живут призраки, что там пропадают люди, что там... что там что-то есть.

Билли достал телефон и набрал номер Дженнифер Хоук. Они не были друзьями — Дженнифер была из тех девочек, которые не замечают мальчиков в очках. Но Билли знал, что она тоже видела что-то. Он слышал, как она кричала ночью. И он чувствовал — чувствовал, как что-то связывает их. Что-то тёмное, как подземная река.

— Алло? — голос Дженнифер был хриплым, как будто она не спала несколько ночей.

— Дженнифер, это Билли. Билли Саммерс.

Пауза.

— Откуда у тебя мой номер?

— Это неважно. Важно другое. Ты видела дом Карверов?

Долгая пауза. Билли слышал её дыхание — частое, испуганное.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Потому что я видел то же самое, — сказал Билли. — И я знаю, что мы не сумасшедшие. И я знаю, что это только начало.

Он посмотрел на фотографию. На девочку с косичками. На Мэри Элизабет Карвер.

И ему показалось — только показалось — что девочка на фотографии улыбнулась.

Глава 5

Отец Джон Мэтьюз был священником старой школы. Он верил в Бога, в дьявола и в то, что зло существует не как абстрактное понятие, а как реальная сила, которая ходит по земле и ищет, кого поглотить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.